
ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

INTEGRATION AND SECURITY IN ASIAN REGION

Научная статья / Research Article

УДК 316.347

DOI: 10.14258/SSI(2026)2–01

Детерминанты этнической идентичности в российско-монгольском приграничье: риски и ресурсы региональной безопасности

Екатерина Владимировна Шахова¹

Анастасия Сергеевна Домаева²

Пуревсурен Цэдэнбал³

Чулуунбат Боролдой Мунхбаяр⁴

¹Российский биотехнологический университет, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, EWS05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1980-2989>

²Российский биотехнологический университет, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, spirina_a@mail.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6003-1691>

³Западный региональный филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия, purevsuren.khu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7166-7553>

⁴Западный региональный филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия, munkh9998@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0398-1927>

Аннотация. Статья посвящена анализу детерминант этнической идентичности в российско-монгольском приграничье, а также оценке ее ресурсного и рискогенного

потенциала для региональной безопасности. Актуальность исследования обусловлена сложными идентификационными процессами в полиэтничных регионах, где пересечение культур, языков и политических систем создает уникальную среду, способную как укреплять социальную интеграцию, так и быть фактором межгрупповой напряженности. Эмпирическую базу составили результаты социологического опроса населения российско-монгольского приграничья (2024–2026 гг., $n = 4535$), включающего жителей Алтайского края, республик Алтай, Тыва, Бурятия, Забайкальского края (Россия), а также аймаков Баян-Улгий, Сэлэнгэ, Ховд, Хувсугул (Монголия). Выявлены ключевые маркеры этнической идентичности: язык выступает универсальным фактором, тогда как происхождение родителей особенно значимо для бурят, алтайцев и тувинцев. На основе анализа идентификационных стратегий выделены три типа этнических групп: государство-центричный (русские, монголы), этно-территориальный (тувинцы, буряты, алтайцы) и локально-конфессиональный (таджики). Кластерный анализ позволил дифференцировать жителей по уровню безопасности и тревожности. Установлено, что наиболее сильным предиктором опасений стать жертвой насилия на почве национальной или религиозной неприязни выступает высокий субъективный риск утраты национальной идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, детерминанты идентичности, российско-монгольское приграничье, региональная безопасность, межэтнические отношения, полиэтничный регион, факторы идентичности

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 24–48–03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024–2026 гг.).

Для цитирования: Шахова Е. В., Домаева А. С., Цэдэнбал П., Мунхбаяр Ч. Б. Детерминанты этнической идентичности в российско-монгольском приграничье: риски и ресурсы региональной безопасности // Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 2. С. 13–36. doi: 10.14258/ssi(2026)2–01

Determinants of Ethnic Identity in the Russian-Mongolian Borderland: Risks and Resources of Regional Security

Ekaterina V. Shakhova¹

Anastasia S. Domaeva²

Purevsuren Tsedenbal³

Munhbayar Chuluunbat Boroldoy⁴

¹ ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, EWS05@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1980-2989>

² ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, spirina_a@mail.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6003-1691>

³ Western Regional School of National University of Mongolia, Khovd, Mongolia, purevsuren.khu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7166-7553>

⁴ Western Regional School of National University of Mongolia, Khovd, Mongolia, munkh9998@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0398-1927>

Abstract. The article analyzes the determinants of ethnic identity in the Russian-Mongolian borderland and assesses its resource and risk potential for regional security. The relevance of the study is due to complex identification processes in multi-ethnic regions, where the intersection of cultures, languages, and political systems creates a unique environment that can both strengthen social integration and act as a factor of intergroup tension. The empirical basis consists of the results of a sociological survey of the population of the Russian-Mongolian borderland (2024–2026, n = 4535), including residents of Altai Krai, the Altai Republic, Tyva Republic, Buryatia Republic, Zabaikalsky Krai (Russia), as well as the aimags of Bayan-Ulgii, Selenge, Khovd, Khuvsgul (Mongolia). Key markers of ethnic identity are identified: language is a universal factor, while parental origin is particularly significant for Buryats, Altaians, and Tuvans. Based on the analysis of identification strategies, three types of ethnic groups are distinguished: state-centric (Russians, Mongols), ethno-territorial (Tuvans, Buryats, Altaians), and local-confessional (Tajiks). Cluster analysis made it possible to differentiate residents by level of security and anxiety. It is established that the strongest predictor of fear of becoming a victim of violence on ethnic or religious grounds is a high subjective risk of losing national identity.

Keywords: ethnic identity, determinants of identity, Russian-Mongolian borderland, regional security, interethnic relations, multi-ethnic region, identity factors

Financial Support: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24–48–03002. The title of the project «Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderlands: institutional and network mechanisms of construction of religious and ethnic identities and security in conditions of post-secular reality».

For citation: Shakhova, E. V., Domaeva, A. S., Tsedenbal, P., Munhbayar, Ch. B. (2026). Determinants of Ethnic Identity in the Russian-Mongolian Borderland: Risks and Resources of Regional Security. *Society and Security Insights*, 9(2), 13–36. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)2–01

Введение

Изучение вопросов, связанных с идентичностью, в современном мире носит актуальный характер. Идентичность представляет собой сложный социально-конструируемый феномен, который пронизывает все сферы общественной жизни. Как отмечает Г. В. Осипов, идентичность выступает категорией, посредством которой индивид приобретает и усваивает нормы, идеалы, ценности, роли и мораль представителей тех социальных групп, к которым принадлежит (Осипов, 1999). Данный феномен складывается как из предзаданных обществом параметров (Гальчук, 2017), так и формируется под постоянным влиянием различных факторов из прошлого, а также под воздействием различных факторов из настоящего (Элэзович З. М., Элэзович Д. М., 2014).

Особенное значение сегодня приобретает изучение этнической идентичности, что связано с различными процессами, происходящими в обществе, в том

числе с процессами миграции и глобализации, политическими трансформациями. Актуальность изучения этнической идентичности заключается и в том, что это способствует более полному пониманию всего происходящего в современном обществе, помогает в разработке стратегий, направленных на развитие социальной гармонии и устойчивого развития.

Этническая идентичность — многокомпонентное личностное образование, связанное с переживанием своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других этнических групп в результате когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенного этноса (Коренева, Осипова, 2022). Это не только причисление индивидом себя к представителям своего этноса, но прежде всего глубоко значимое переживание данной принадлежности, как одной из важнейших составляющих в системе представлений личности о себе (Аипова, 2018), а также результат диалектических процессов самоопределения и внешнего обозначения этнической принадлежности этого человека другими в контексте непосредственного социального взаимодействия (Goldin, Jaccard, 2020).

Функции этнической идентичности многогранны: она способствует ощущению надежности и защищенности, социальной общности и веры в будущее; формирует базовую систему ценностей, имеющую социально детерминированный характер; задает ориентиры нравственного и социокультурного порядка, жизненные и личностные смыслы, позволяющие формировать устойчивые системы оценок и поведенческие предпочтения (Ивлев, Иноземцев, Ивлева, 2023). Чувство этнической идентичности человека связано с основными человеческими потребностями и мотивационными принципами. В некоторых ситуациях люди осознают свою этническую идентичность, но это осознание у одних наиболее сильно распространено, чем у других (Verkuyten, 2018). Этническая идентичность рассматривается как фактор, повышающий самооценку, устойчивость к дискриминации и предрассудкам, она положительно связана с удовлетворенностью жизнью, поддержкой политических прав и коллективных действий, предсказывает здоровье и образ жизни. Выраженность этнической идентичности определяется особенностями социокультурной среды: она снижается при культурном соответствии и усиливается при культурном различии (Максимова, Омельченко, Ноянзина, 2020).

Н. К. Канзычакова, описывая этническую идентичность, обращает внимание на следующие характеристики этничности: «родом из прошлого» (так как в трудные времена люди обращаются к истории); имеет мифологический характер; зависит от исторической ситуации (может усиливаться или ослабевать в зависимости от обстоятельств); основана на групповом коллективном единении; не только объединяет людей группы, но и определяет отличия от других; включает в себя «эмоционально-нормативные элементы». Автор представляет этническую идентичность через противопоставление признаков: сознательная — бессознательная, полная — частичная, непосредственная — опосредованная (Канзычакова, 2019).

Этническая идентичность рассматривается как сложный, многогранный феномен, который постоянно изменяется под действием факторов среды, в которой находятся ее носители. Как многомерная конструкция, этническая идентичность

включает в себя следующие составляющие: процессуальная; структурная (представленная, в свою очередь, когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами (Персидская, Фомкин, 2021). Выделение поведенческого компонента является дискуссионным, ряд ученых (например, Е. П. Белинская, Т. Г. Стефаненко, Н. М. Боголюбова) считают, что он приводит к «размыванию» этнической идентичности. В последние годы отмечена тенденция отхода от классической трехчленной структуры этнической идентичности. Когнитивно-эмоциональный подход к пониманию механизма становления этнической идентичности, который определяет свободу выбора, возможность ее трансформировать при выборе и построении эмоциональных отношений с разными культурными группами, подчеркивает ее изменчивость и зависимость от контекста (Марцинковская, 2025).

Основными признаками этнической идентичности выступают антропологические характеристики, язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство. По мнению А. Рахметовой, Б. Аяпбергенова, Г. Карбозовой, З. Темиргазин, важными этнодифференцирующими признаками являются антропологические характеристики и язык. Язык передает социокультурный опыт, накопленный предыдущими поколениями, способствует его воспроизводству в продолжающемся процессе реконструкции этнокультурной идентичности, выступает признаком, который формирует преемственность коммуникативного пространства этноса, институциональную устойчивость общества и его этнокультурную идентичность. Он способен сохранить память о том, чем сейчас в повседневной жизни народ не пользуется, но это сохранено благодаря традициям, обрядам, обычаям, исторической памяти и особенностям менталитета (Rakhmetova A. Ayapbergenov B. Karbozova G. Temirgazina, 2022). К компонентам этнической идентичности, способствующим ее сохранению, относятся: история и историческая память, кровное родство, общая территория, национальная кухня, одежда, праздники, обряды и верования, состояние ума, традиционная культура, язык. Определенную роль в формировании идентичности играет и генетическое наследие (Salmin, 2022).

Детерминанты формирования и трансформации этнической идентичности многообразны. Она подвергается изменениям в связи с историческими, политическими, социальными, ситуативными, культурными процессами. Значимы и такие аспекты, как гетерогенность/гомогенность этнического окружения; особенность культурной среды, социализации в семье, школе, ближайшем окружении (Гаглоева, 2020). На процессы трансформации этнической идентичности оказывают влияние:

сетевые социальные медиа (массовая интернет-коммуникация на базе сетей и виртуальных сообществ), которые в настоящее время на процесс формирования этнической идентичности оказывают все большее влияние, при этом значимость социальных институтов, с которыми ранее этническая идентичность была тесно связана (семья, система образования), ослабевает;

урбанизированная среда (большое значение при формировании этнической идентичности горожанина имеют миграционные процессы);

политизация этнической идентичности (рассмотрение процессов через теорию критического сознания) (Персидская, Фомкин, 2021).

Особый научный и практический интерес представляет изучение этнической идентичности в приграничных регионах, где взаимодействие культур, языков и политических систем создает уникальную среду для идентификационных процессов. Российско-монгольское приграничье представляет собой специфический случай, отличающийся рядом характеристик, которые выступают значимыми детерминантами этнической идентичности. Этнический ландшафт данной территории характеризуется как полиэтнический, с различными языковыми, религиозными и хозяйственно-культурными укладами (буддизм, шаманизм, православие, ислам; кочевое и оседлое скотоводство, урбанизированные центры). Стоит отметить, что между Россией и Монголией с советских времен налажены двусторонние дипломатические и деловые отношения (Кылгыдай, Ойдуп, 2017). На взаимодействие данных стран, особенно в приграничной зоне, значительное воздействие оказывает этнический фактор. «Близкие монголам по своим этнокультурным характеристикам (языку, религии, способам ведения хозяйства) буряты, тувинцы, калмыки и проживающие бок о бок с ними другие народы России находятся в пересекающихся в Центральной Евразии орбитах русской и монгольской цивилизаций. В этих регионах вполне закономерно происходит своя специфическая реакция на внешние и внутренние вызовы. Здесь может произойти смещение шкалы ценностных ориентиров, иначе здесь может выглядеть иерархия приоритетов, пути решения единых для всего российского общества задач социально-экономического развития» (Литвинова, Железняков, Никифоров, 2025).

Важна в данном контексте и связь этнической идентичности с региональной безопасностью на изучаемой территории, которая может проявляться как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Позитивная этническая идентичность является значимым ресурсом безопасности, так как она укрепляет социальную интеграцию, повышает устойчивость сообществ к внешним вызовам и служит основой для формирования доверия между группами. Выраженность этнической идентичности положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью, поддержкой коллективных действий и психологическим благополучием, что опосредованно снижает риски социальной дезинтеграции (Максимова, Омельченко, Ноянзина, 2020). Формирование позитивной этнической идентичности позволяет обеспечить толерантное общество и бесконфликтное сосуществование культур (Андриенко, Безенкова, 2020). В приграничном контексте ресурсный потенциал этнической идентичности проявляется в способности выступать «мягкой силой» трансграничного сотрудничества.

Рискогенный потенциал этнической идентичности на приграничных территориях может проявляться в росте межэтнической напряженности, усилении националистических настроений и требований по перераспределению ресурсов

и власти. Негативная идентичность, как правило, появляется в процессе межэтнических конфликтов, характерна для представителей этнических меньшинств, проявляется отрицательным отношением к представителям своей группы, чувством стыда (Мурсалыева, 2020). Признаками кризиса этнической идентичности являются: потеря положительного восприятия своей этнической принадлежности; переживание негативных чувств, связанных с этнической принадлежностью; неудовлетворенность гражданством; негативная или чрезмерно позитивная (защитная) этническая идентичность; нетерпимость к другим этническим группам; утрата чувства патриотизма; утрата смысла жизни (Predko, 2020).

В рамках концепции конфликтов этнических идентичностей конфликты, как правило, определяются как следствие групповой эмоциональной реакции, основанной на групповой солидарности. Причины таких конфликтов: тревоги, страхи, обиды, реакция на несправедливость, важное значение имеют эмоциональные защитные механизмы группы (в том числе этническая память). Авторы работы «Конфликт идентичностей: зарубежные исследовательские концепции» Ю.Г. Волков, В.И. Курбатов указывают и на другие причины конфликтов, среди которых:

непосредственная близость проживания этнических групп; борьба между представителями различных этнических групп за свое представительство в социальных и государственных институтах, смешанная этническая общность внутри единого государства (К. Вайт, Дж. Дональд, Ф. Казелли, Э. Колеман, Г. Измайлов);

неудовлетворенность реформами и представительством этнической группы в органах власти; предпосылкой конфликтов является проявление национализма, религиозного фундаментализма и религиозного фанатизма; неспособность органов власти обеспечить безопасность каких-либо этнических групп (Б. Благоевич и Д. Кэмбелл);

интеграция в полиэтническом обществе, усиливающая важность политических институтов и представительство в них разных этнических групп, усиливает значение их этно-национального статуса, что способствует усилению различий между этническими группами (Н. Самбанис, М. Шайо);

национализм, как предпосылка возникновения и обострения конфликтов (С. Асториан, У. Коннор, Д. Рэй, Дж. Эстебан);

процесс урбанизации и индустриализации (приводящий к конкуренции на рынке труда и в сфере социальных предпочтений) (С. Олзак и Дж. Нейджл) и др. (Волков, Курбатов, 2022).

Таким образом, этническая идентичность представляет собой сложное и многогранное явление, которое является динамичным и может изменяться в зависимости от контекста и жизненных условий. Амбивалентность данного конструкта проявляется в том, что он одновременно выступает ресурсом психологической устойчивости и социальной интеграции, но в определенных условиях может становиться источником межгрупповой напряженности и конфликтогенным фактором. Изучение ситуации в российско-монгольском приграничье, где пересечение этнокультурных, языковых и политических систем создает уникальную среду для идентификационных процессов, позволит глубже понять вза-

имосвязи между отдельными компонентами этнической идентичности, выявить факторы, обуславливающие выраженность этнической идентичности у народов, проживающих на данной территории, понять, как этническая идентичность участвует в формировании чувства безопасности населения.

Методология исследования

Цель данной статьи заключается в анализе детерминант этнической идентичности в российско-монгольском приграничье, изучении рисков и ресурсов региональной безопасности. Эмпирической базой являются результаты социологического исследования, реализованного в рамках проекта РНФ «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности» (2024–2026 гг.). Социологические исследования были проведены на территории российско-монгольского приграничья: на территории России — Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Забайкальский край ($n = 2800$); на территории Монголии — Баян-Улгий, Сэлэнгэ, Ховд, Хувсугул ($n = 1735$). Анкетирование проходило в онлайн- и офлайн-форматах с учетом социально-демографической структуры населения каждого региона. В рамках исследования были проанализированы следующие показатели: национальная принадлежность, факторы этнической идентичности, ощущение безопасности, отношения между людьми различных национальностей, риск утраты национальной идентичности, уровень защищенности от ксенофобии, экстремизма, этнической нетерпимости, опасение стать жертвой насилия на почве национальной или религиозной неприязни, уровень идентичности.

Результаты исследования

В исследовании приняли участие жители России и Монголии ($n = 4535$). Национальный состав в зависимости от страны выглядит следующим образом.

В России на вопрос о национальной идентичности ответили 95,4% жителей. В исследовании приняли участие: русские (66,2% жителей), а также тувинцы (12,9%), буряты (7,3%), алтайцы (4,0%), таджики (3,3%), казахи (1,5%) и представители других национальностей (численный состав которых составил менее 1,0%), среди них: теленгиты, татары, челканцы, тубалары, кумандинцы, армяне, киргизы, немцы, украинцы, эвенки, башкиры, белорусы, калмыки, корейцы, латыши, молдаване, памирцы, поляки, саамы, уйгуры, цыгане, чеченцы, якуты и др. Кроме того, у респондентов была возможность назвать две национальности (и более), если они из смешанной семьи и им трудно отнести себя к какой-то одной: русские-алтайцы, русские-украинцы, русские-немцы, русские-татары, русские-евреи, русские-буряты, русские-грузины и др.

В Монголии данный вопрос вызвал небольшие затруднения, на него дали ответ только 52,0% жителей. При определении своей этнической идентичности они указывали на то, что считают себя представителями следующих националь-

ностей: монголы (37,5%), халха-монголы (27,5%), казахи (9,6%), мянгаты (4,8%), урянхайцы (2,9%), дархаты (2,7%), захчины (2,7%), хотогойты (2,2%), олёты (1,8%), дербеты (1,4%), буряты (1,1%) и др. (численный состав которых составил менее 1,0%) — торгуты, тувинцы, борджигины, баяты¹.

Для удобства дальнейшего анализа представители всех национальностей были объединены в следующие группы: Русские (48,7%), Монголы (16,2%), Тувинцы (9,8%), Буряты (6,1%), малые народы Монголии (5,4%, в данную группу вошли: Мянгаты, Урянхайцы, Дархаты, Захчины, Хотогойты, Олёты, Дербеты, Торгуты, Борджигины, Баяты и другие), Казахи (3,5%), Алтайцы (3,4%), Таджики (2,5%), другие (4,4%, а именно: Татары, Армяне, Немцы, Украинцы, Башкиры, Киргизы, Поляки, Евреи, Якуты, Эвенки, Мордва, Молдаване, Грузины, Калмыки, Ойраты, Тунгусы, Хамниганы, Уйгуры, Цыгане, Чеченцы, а также представители смешанных семей и др.).

Для оценки структуры этнической идентичности жителям были предложены утверждения, отражающие различные аспекты принадлежности к национальной группе. Наиболее значимым маркером идентичности для русских является язык («Говорю и думаю на языке этого народа» — 85,1%). Это подтверждает ключевую роль русского языка как основы этнического самосознания. Ключевыми аспектами являются также принадлежность родителей к этой национальности (73,0%) и воспитание в рамках национальной культуры (69,0%). Данные аспекты важны и для монголов (язык — 70,7%, воспитание на национальной культуре — 62,7%, происхождение родителей — 58,5%).

Для тувинцев наиболее значимым фактором является происхождение родителей (78,0%), что подчеркивает значимость семейной преемственности в тувинской культуре, на втором месте — язык (74,8%) и воспитание (71,6%).

Буряты демонстрируют наиболее высокий уровень этнической идентичности, практически все маркеры имеют значения выше 60%. Наиболее ярко выражен аспект, связанный с принадлежностью родителей к данной национальности (91,8%). Высокие значения отмечены также по пунктам «воспитан на национальной культуре» (80,0%), «соблюдаю традиции, обычаи своего народа» (77,3%), «отмечаю национальные праздники» (76,4%). Идентичность бурят включает как семейные, так и культурно-практические аспекты.

Ключевыми маркерами идентичности алтайцев являются «родители, как представители данной национальности» (84,2%) и «родной язык» (75,8%). Казахи наряду с важностью языка (79,0%) и воспитания на национальной культуре (60,5%), значимое внимание уделяют и умению готовить национальную пищу (53,2%).

Среди таджиков отмечен наиболее низкий уровень идентичности, почти все маркеры имеют значения менее 30%, кроме «говорю и думаю на языке этого народа» (42,2%) и «умею готовить национальную пищу» (31,1%) (табл. 1).

¹ Проценты по Монголии рассчитаны от числа респондентов, ответивших на вопрос о национальности.

Таблица 1

Table 1

Факторы этнической идентичности, процент наблюдений²**Factors of ethnic identity, percent of observations²**

Факторы этнической идентичности	Русские	Монголы	Тувинцы	Буряты	Алтайцы	Казахи	Таджики	Малые народы Монголии	Другие
Говорю и думаю на языке этого народа	85,1	70,7	74,8	62,7	75,8	79,0	42,2	49,7	38,9
Воспитан на национальной культуре и считаю ее своей	69,0	62,7	71,6	80,0	66,7	60,5	28,9	40,2	41,4
Умею готовить национальную пищу	40,8	46,6	50,4	65,9	48,3	53,2	31,1	30,2	31,2
Осознаю себя представителем этой этнической группы	42,6	49,6	47,5	71,4	54,2	44,4	25,6	47,1	40,8
Имею схожие черты внешности	40,3	33,7	34,2	66,8	43,3	44,4	18,9	19,6	35,0
Отмечаю национальные праздники	49,9	47,5	55,7	76,4	53,3	49,2	27,8	34,9	37,6
Мои родители — представители этой национальности	73,0	58,5	78,0	91,8	84,2	50,0	23,3	51,3	70,7
Соблюдаю традиции, обычаи своей этнической группы (своего народа)	42,6	52,7	55,9	77,3	55,8	42,7	24,4	33,3	33,8
Имею общее историческое прошлое	44,9	32,9	32,2	53,6	38,3	33,1	15,6	27,0	29,3
Считаю, что у нас общая государственность	39,9	38,7	23,8	33,2	22,5	28,2	21,1	25,9	16,6
Имею схожие черты национального характера, менталитет	35,2	34,1	27,8	51,4	35,0	31,5	25,6	21,2	22,9
Исповедую религию своего народа	33,2	29,5	35,4	68,6	30,8	28,2	17,8	20,6	22,9
Живу на территории, являющейся родиной народа	53,2	45,4	59,1	70,5	55,0	27,4	24,4	39,7	35,0

Таким образом, язык является универсальным и наиболее значимым маркером этнической идентичности для большинства групп. Происхождение родителей имеет важное значение для бурят, алтайцев, русских и тувинцев, что подчеркивает важность межпоколенной передачи культуры в этих этносах. Буряты

²

Сумма процентов превышает 100%, так как допускался множественный выбор

демонстрируют наиболее высокий и интегральный уровень этнической идентичности по всем измеряемым параметрам, что может быть связано с компактным проживанием и высокой степенью сохранности культурных институтов. Таджики, напротив, показывают минимальный уровень идентичности, что, возможно, обусловлено их диаспорным положением на данных территориях.

Для оценки субъективного уровня защищенности жителей российско-монгольского приграничья был проанализирован показатель «Ощущение себя в безопасности». Отмечены статистически значимые различия между представителями разных национальных групп (здесь и далее хи-квадрат $p < 0,001$). Наиболее высокий уровень безопасности демонстрируют буряты, алтайцы и казахи (суммарный показатель «полностью ощущаю себя в безопасности» и «скорее ощущаю себя в безопасности» — 89,4%, 79,3%, 78,0%). Наиболее низкий уровень безопасности наблюдается у малых народов Монголии и монголов (суммарный показатель «не очень ощущаю себя в безопасности» и «совсем не ощущаю себя в безопасности» — 40,6% и 39,4%). Русские и тувинцы имеют средние позиции с близкими показателями (74,9% и 73,9% ощущают себя в безопасности). Таким образом, ощущение безопасности значимо различается в зависимости от национальной принадлежности, однако важно отметить, что это связано не только с этническим фактором, но и с социально-экономическими и культурно-психологическими условиями (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Ощущение себя в безопасности, %

Perception of security, %

Ощущение себя в безопасности	Русские	Монголы	Тувинцы	Буряты	Алтайцы	Казахи	Таджики	Малые народы Монголии	Другие
Полностью ощущаю себя в безопасности	23,9	24,5	22,9	37,2	29,8	43,2	19,3	27,3	27,9
Скорее ощущаю себя в безопасности	51,0	36,2	51,0	52,3	49,6	34,7	52,3	32,1	46,8
Не очень ощущаю себя в безопасности	20,8	29,4	22,6	8,7	14,9	16,1	23,9	25,1	18,2
Совсем не ощущаю себя в безопасности	4,3	10,0	3,5	1,8	5,8	5,9	4,5	15,5	7,1

Отмечены значимые различия между данными группами и по показателю, связанному с риском утраты национальной идентичности. На высокий уровень риска («определенно риску» и «скорее риску») чаще указывают таджики (60,7%), а также алтайцы (52,5%), казахи (43,2%) и монголы (42,8%). К группам

среднего риска можно отнести бурят (36,5%), тувинцев (34,1%), малые народы Монголии (31,5%) а также группу, в которую вошли представители других национальностей (39,2%). Русские демонстрируют самый низкий уровень тревоги (11,2%), это объясняется их доминирующим положением в России (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Риск утраты национальной идентичности, %
Perceived risk of losing ethnic identity, %

Риск утраты национальной идентичности	Русские	Монголы	Тувинцы	Буряты	Алтайцы	Казахи	Таджики	Малые народы Монголии	Другие
Определенно рискую	4,0	24,2	9,3	11,4	19,2	22,9	22,5	16,8	15,0
Скорее рискую	7,2	18,7	24,8	25,1	33,3	20,3	38,2	14,7	24,2
Скорее не рискую	32,3	40,0	33,2	36,1	24,2	34,7	21,3	45,1	23,5
Совершенно не рискую	56,5	17,2	32,7	27,4	23,3	22,0	18,0	23,4	37,3

Почти половина всех жителей российско-монгольского приграничья (47,5%) указывают на то, что ощущают себя в защищенности от ксенофобии, экстремизма, этнической нетерпимости, 15,8% чувствуют себя полностью защищенными, тогда как 27,6% — не очень защищенными, а 9,2% — совсем не защищенными. Наиболее высокий уровень защищенности отмечен у бурят (суммарный показатель «скорее защищен» и «полностью защищен» — 71,4%), тувинцев (67,4%) и русских (67,1%). Казахи чаще других отмечают незащищенность (14,8% — совсем не защищены, 39,8% — не очень защищены).

На свои опасения стать жертвой насилия на почве национальной или религиозной неприязни указали почти треть жителей приграничья (31,9%). Чаще такой страх испытывают таджики (51,2%) и тувинцы (40,5%). Минимальные значения тревожности зафиксированы среди русских (28,8%) и монголов (28,6%) (рис. 1).

Среди наиболее значимых ценностей жители отмечают здоровье (75,9%), счастливую семейную жизнь (48,2%), материально обеспеченную жизнь, достаток (42,9%), образование, получение новых знаний, саморазвитие (40,3%), активную, деятельную жизнь (35,5%). При этом буряты чаще остальных указывают на материальный достаток (68,3%). Для казахов важны активная, деятельная жизнь (54,6%), а также образование, получение новых знаний, саморазвитие

и личная свобода (по 42,9%). Это формирует портрет этноса с ярко выраженной предпринимательской, инициативной моделью поведения. Монголы и малые народы Монголии также высоко ценят образование (43,7%, 43,2%) и личную свободу (37,9%, 36,6%). Чистота природной среды максимально значима для алтайцев (31,6%), монголов (29,1%) и тувинцев (29,0%), тогда как у таджиков минимальные значения этого показателя (2,3%).

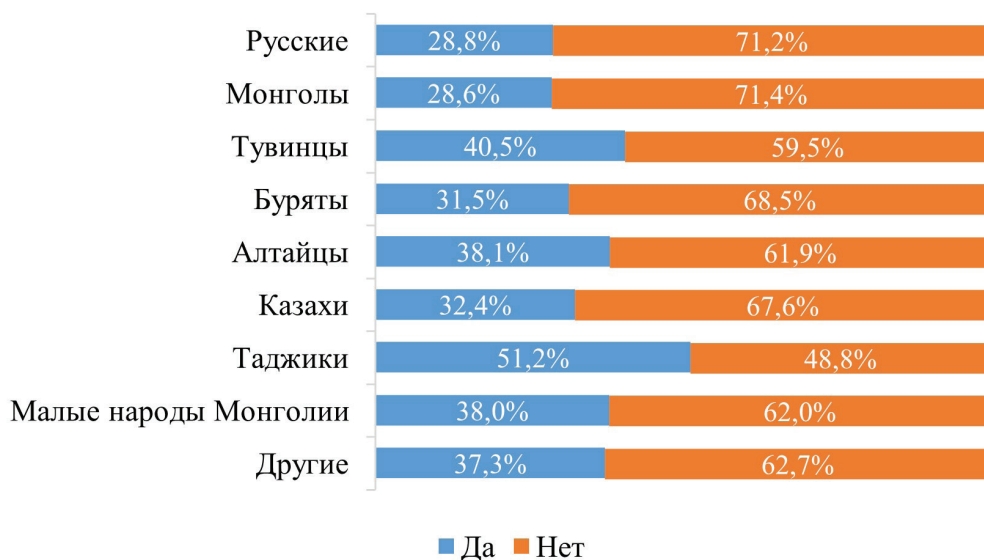

Рисунок 1 — Опасения стать жертвой насилия на почве национальной или религиозной неприязни, %

Figure 1 — Perceived risk of becoming a victim of ethnically or religiously motivated violence, %

Ценность, связанная с личной безопасностью, безопасностью близких людей, наиболее важна для русских (37,4%), что может быть связано с тем, что данная группа в большей степени сконцентрирована в крупных городах, которые характеризуются повышенной криминогенной и террористической рискогенностью, тогда как другие группы чаще представлены в сельской или малгородской среде. Самые низкие значения по данному показателю отмечены у малых народов Монголии (22,4%) и монголов (18,0%), что может быть связано с тем, что они преимущественно проживают в компактных сельских сообществах с высоким уровнем доверия, где риск стать жертвой насилия ниже.

Далее была проанализирована идентичность представителей разных национальных групп: гражданская идентичность (ощущение близости с гражданами своей страны), региональная идентичность (ощущение близости с жителями региона), локальная идентичность (ощущение близости с жителями села, города), этническая идентичность (ощущение близости с представителями национальности), конфессиональная идентичность (ощущение близости с представителя-

ми вероисповедания, конфессии). У русских отмечен наиболее высокий уровень гражданской идентичности (87,7%), незначительно уступает этническая идентичность (76,0%). Монголы и малые народы Монголии также характеризуются высоким уровнем гражданской идентичности (80,8% и 71,3%), при этом этническая идентичность у них менее выражена (47,2% и 50,4%), чем региональная (63,6%, 60,9%) и локальная (62,8%, 67,0%). У тувинцев, бурят и алтайцев этническая идентичность (77,2%, 83,9%, 81,9%) доминирует над гражданской (67,8%, 76,8%, 69,1%). При этом для бурят и тувинцев второй по значимости является региональная идентичность (83,9%, 76,4%), а для алтайцев — локальная (77,7%). Таджики характеризуются высоким уровнем локальной (54,7%) и конфессиональной (52,8%) идентичностей.

Таким образом, можно выделить несколько типов этнических групп в российско-монгольском приграничье:

Государство-центричный тип, в который вошли русские, монголы и малые народы Монголии (гражданство является доминирующей идентичностью).

Этно-территориальный тип (тувинцы, буряты, алтайцы), в котором этническая, региональная и локальная идентичности преобладают над гражданской.

Локально-конфессиональный тип (таджики), характеризующийся сбалансированным сочетанием умеренно высоких показателей локальной и конфессиональной идентичности на фоне пониженных значений гражданской, региональной и этнической, что может интерпретироваться как адаптивная стратегия в условиях транзитивного социального положения (табл. 4).

Таблица 4

Table 4

Уровни социальной идентичности, %

Levels of social identity, %

Уровни социальной идентичности	Русские	Монголы	Тувинцы	Буряты	Алтайцы	Казахи	Таджики	Малые народы Монголии	Другие
Граждане России	87,7	80,8	67,8	76,8	69,1	70,5	30,2	71,3	72,5
Жители моего края, области, республики	75,0	63,6	76,4	83,9	75,5	50,0	26,4	60,9	65,0
Жители моего города, села	74,5	62,8	74,2	81,0	77,7	65,9	54,7	67,0	62,5
Представители моей национальности	76,0	47,2	77,2	83,9	81,9	58,0	39,6	50,4	65,0
Представители моего вероисповедания, конфессии	54,9	29,2	52,1	78,0	51,1	60,2	52,8	40,9	49,2

Был проведен кластерный анализ методом К-средних, что позволило выделить три кластера на основе комплекса анализируемых переменных, а именно:

- ощущение личной безопасности (где 1 — «совсем не ощущаю себя в безопасности», 4 — «полностью ощущаю себя в безопасности»);
- ощущение защищенности от ксенофобии, экстремизма, этнической нетерпимости (где 1 — «совсем не защищен», 4 — «полностью защищен»);
- риск утраты национальной идентичности (где 1 — «совершенно не рискую», 4 — «определенно рискую»);
- опасение насилия на почве национальной или религиозной неприязни (где 1 — «отсутствие опасений», 2 — «наличие опасений») (рис. 2).

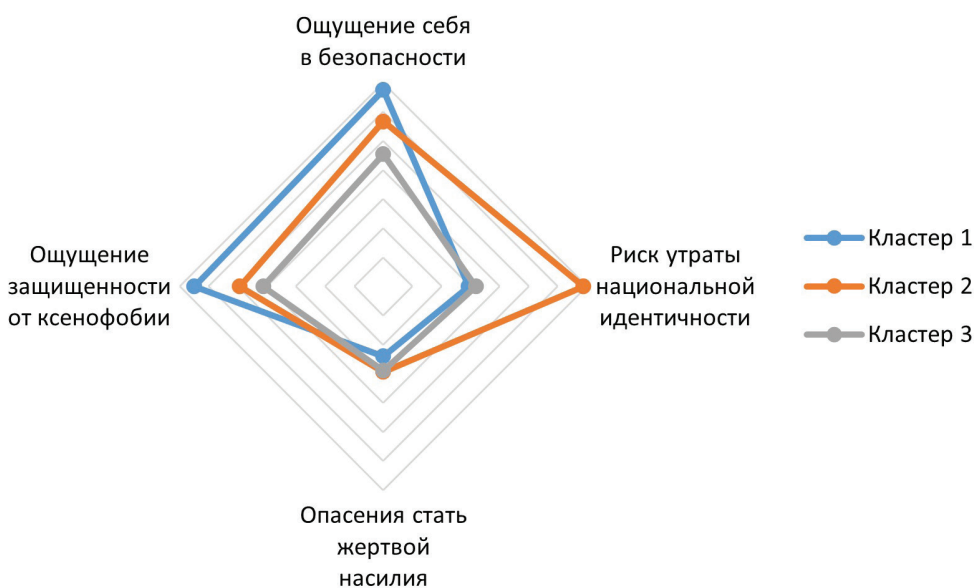

Рисунок 2 — Кластеры по показателям безопасности и идентичности

Figure 2 — Clusters, based on indicators of security and identity

Кластер 1. Благополучные (46,6%).

В данный кластер вошли жители, которые демонстрируют наиболее благополучные показатели по изученным критериям. Для них характерны оценки, указывающие на высокий уровень ощущения себя в безопасности (3,38), защищенности от ксенофобии и экстремизма и этнической нетерпимости (3,25), минимальный риск утраты национальной идентичности (1,47), а также самые низкие значения по опасению стать жертвой насилия (1,20). Данный кластер преимущественно представлен русскими жителями приграничья (63,4%). Это позволяет предположить, что русские, как наиболее многочисленная и институционально интегрированная группа, в меньшей степени актуализируют угрозы как физиче-

ского, так и культурного характера. Данный кластер представлен высокой долей женщин (71,4%), в него входят люди с высшим образованием (56,5%), работники бюджетной сферы (41,8%), а также те, кто живет обеспеченно и имеет денежные накопления (25,7%). Представители данного кластера обладают высоким уровнем идентичности (гражданской, региональной, локальной, этнической, конфессиональной). Это наиболее благополучная и ресурсообеспеченная группа.

Кластер 2. Тревожные (26,0%).

Для данного кластера характерны оценки, связанные с рисками и тревогами. Его представители ощущают некоторые сомнения в своей безопасности (2,83), а также в защищенности от ксенофобии и этнической нетерпимости (2,47), при этом имеют высокий риск утраты национальной идентичности (3,44); опасаются, что могут стать жертвой насилия (1,47). В национальном разрезе кластер представлен монголами (24,7%), русскими (22,1%), тувинцами (12,1%), бурятами (9,4%), алтайцами (7,5%). Представители этого кластера характеризуются наименее благополучным профилем. Здесь выше доля мужчин (37,0%), максимальная доля студентов (12,9%) и безработных (2,9%), а также наибольший процент людей с низким уровнем дохода (8,7%). Кроме того, в этой группе выше доля недавних мигрантов (7,9% живут в населенном пункте менее 5 лет). Люди, вошедшие в этот кластер, слабее всех чувствуют близость к гражданам своей страны и к представителям своей национальности. Такой портрет указывает на то, что тревожность в большей степени характерна для молодых, социально незащищенных и мобильных групп, находящихся в процессе социального становления или адаптации. Они боятся потерять то, с чем не чувствуют прочной связи, что может быть результатом миграции, социальной мобильности или незавершенной социализации.

Кластер 3. Уязвимые (27,4%).

В данный кластер входят жители, которые не чувствуют себя в безопасности (2,27), ощущают себя менее защищенными от ксенофобии (2,06), опасаются, что могут стать жертвой насилия (1,45), при этом не испытывают риска утраты своей национальной идентичности (1,59). То есть они опасаются насилия и чувствуют себя небезопасно, но при этом не проецируют эту тревогу на угрозу своей национальной идентичности. В этом кластере представлены русские (60,0%), монголы (14,0%), тувинцы (7,7%), малые народы Монголии (5,6%). Кластер занимает промежуточное положение по многим показателям: по уровню образования (54,4% с высшим), роду занятий, гражданской идентичности он близок к первому кластеру, однако по уровню дохода (20,3% обеспеченных) и доле бюджетников (38,5%) уступает ему. Эта группа сочетает в себе ресурсы образованного и социально включенного слоя, но при этом демонстрирует повышенную обеспокоенность в отношении безопасности, что может быть связано с внешними контекстуальными факторами (табл. 5).

Таблица 5

Table 5

Сравнительная характеристика кластеров**Comparative characteristics of clusters**

Показатели	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Пол: Женский	71,4	63,0	70,4
Пол: Мужской	28,6	37,0	29,6
Образование: Высшее профессиональное	56,5	48,0	54,4
Основное занятие: Работник бюджетной организации	41,8	30,1	38,5
Основное занятие: Наемный работник коммерческой организации	8,3	4,9	6,2
Основное занятие: Руководитель бюджетной или коммерческой организации	2,6	3,1	3,9
Основное занятие: Индивидуальный предприниматель, самозанятый	6,0	7,6	6,2
Основное занятие: Госслужащий, работник органов власти и управления, правоохранительных органов	13,8	17,3	16,6
Основное занятие: Занят только в личном подсобном хозяйстве	0,4	1,2	1,5
Основное занятие: Фермер, владелец скота, животновод	2,1	3,1	2,8
Основное занятие: Ученик средней школы, ПТУ, техникума или колледжа	3,4	4,0	2,3
Основное занятие: Студент вуза	9,4	12,9	6,9
Основное занятие: Домашняя хозяйка, ухаживает за другими членами семьи, просто не работает	0,9	1,6	1,4
Материальное положение: Живем очень бедно, фактически голодаем	1,1	2,9	1,9
Материальное положение: Живем бедно, денег хватает только на скромное питание, оплату коммунальных услуг	4,3	8,7	6,6
Материальное положение: Живем средне, денег хватает на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг	67,5	66,1	67,9
Материальное положение: Живем обеспеченно	25,7	20,0	20,3
Материальное положение: Живем очень хорошо, богато	0,9	1,6	1,5
Проживание в данном населенном пункте: С рождения	55,0	57,0	55,4
Проживание в данном населенном пункте: 10 и более лет	30,4	24,6	29,2
Проживание в данном населенном пункте: От 5 до 10 лет	7,2	9,2	7,7
Проживание в данном населенном пункте: От 1 года до 5 лет	5,7	7,9	5,6
Проживание в данном населенном пункте: Менее 1 года	1,7	1,4	2,1
Гражданская идентичность: Ощущение близости с гражданами России	88,0	78,8	79,4

Окончание таблицы 5

Показатели	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Региональная идентичность: Ощущение близости с жителями региона	87,7	78,0	79,6
Локальная идентичность: Ощущение близости с жителями моего города, села	84,9	75,5	76,8
Этническая идентичность: Ощущение близости с представителями национальности	71,24	63,70	63,65
Этническая группа: Русские	63,4	22,1	60,0
Этническая группа: Монголы	8,7	24,7	14,0
Этническая группа: Тувинцы	9,0	12,1	7,7
Этническая группа: Буряты	7,0	9,4	3,0
Этническая группа: Алтайцы	2,3	7,5	2,3
Этническая группа: Казахи	2,3	5,0	2,6
Этническая группа: Таджики	1,0	6,0	1,6
Этническая группа: Малые народы Монголии	2,5	6,0	5,6

Для выявления факторов, связанных с опасениями стать жертвой насилия на почве национальной или религиозной неприязни, была построена бинарная логистическая регрессионная модель (были проанализированы социально-демографические характеристики (пол, возраст, образование); показатели, связанные с идентичностью (ощущение близости с общностями, риск утраты); ценности (личная безопасность, безопасность близких людей, личная свобода); национальная принадлежность и оценка отношений между людьми разных национальностей. Модель статистически значима ($\chi^2 = 35,7$; $p < 0,001$), имеет умеренную объяснительную способность (R^2 Нэйджелкера = 0,044). Наиболее сильным и стабильным предиктором оказался риск утраты национальной идентичности ($B = 0,238$; $\text{Exp}(B) = 1,269$; $p < 0,001$). Жители приграничья, которые оценивают риски утраты своей национальной идентичности как высокие, чаще опасаются стать жертвой насилия на почве национальной или религиозной неприязни. Значимым предиктором является национальная принадлежность ($B = 0,067$; $\text{Exp}(B) = 1,069$; $p = 0,027$) и возраст ($B = 0,010$; $\text{Exp}(B) = 1,010$; $p = 0,040$) (табл. 6).

Таблица 6

Table 6

Модель логистической регрессии

Logistic regression model

	B	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	Значение	Exp (B)
Пол	0,017	0,144	0,014	0,905	1,017
Возраст	0,010	0,005	4,215	0,040	1,010
Образование	-0,083	0,046	3,217	0,073	0,921

Окончание таблицы 6

	В	Среднеквадратичная ошибка	Вальд	Значение	Exp (В)
Идентичность	-0,091	0,074	1,478	0,224	0,913
Риск утраты идентичности	0,238	0,064	13,801	0,000	1,269
Личная свобода	0,071	0,142	0,246	0,620	1,073
Личная безопасность, безопасность близких людей	0,243	0,146	2,781	0,095	1,275
Отношения между людьми различных национальностей	0,101	0,098	1,073	0,300	1,107
Национальность	0,067	0,030	4,864	0,027	1,069

Заключение

Изучение этнической идентичности в современном мире является важной и актуальной задачей, которая требует междисциплинарного подхода и глубокого анализа. Актуальность данной темы обусловлена множеством факторов, в том числе глобальными процессами миграции, изменениями в политической и социальной сферах, а также динамикой культурных взаимодействий. Изучение вопросов этнической идентичности становится все более значимым в условиях полиэтнических обществ, где взаимодействуют представители различных культур. Структура этнической идентичности включает в себя различные компоненты (антропологические характеристики, язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство). Все они взаимосвязаны и влияют на индивидуальное и коллективное восприятие, формируя целостное представление о себе как о представителе определенной этнической группы.

Исследование позволило выявить ключевые детерминанты и структурные особенности этнической идентичности в российско-монгольском приграничье, а также оценить ее ресурсный и рискогенный потенциал для региональной безопасности. Выявлено, что универсальным маркером для большинства этнических групп выступает язык, в то время как происхождение родителей является значимым для бурят, алтайцев, русских и тувинцев, что свидетельствует о высокой роли семейной преемственности в передаче культуры. Наиболее высокий и интегральный уровень этнической идентичности зафиксирован у бурят, что может быть связано с компактным проживанием и сохранностью культурных институтов; минимальные значения идентичности — у таджиков, что, вероятнее всего, связано с их диаспорным положением.

Проанализированы три типа этнических групп в российско-монгольском приграничье: государство-центричный (русские, монголы, малые народы Монголии), в котором гражданская идентичность доминирует; этно-территориальный (тувинцы, буряты, алтайцы), для которых характерно преоблада-

ние этнической, региональной и локальной идентичностей над гражданской; локально-конфессиональный (таджики), сочетающий умеренно высокие показатели локальной и конфессиональной идентичности на фоне сниженных значений других уровней, что интерпретируется как адаптивная стратегия в условиях транзитивного социального положения.

Кластерный анализ показал дифференциацию жителей приграничья по показателям безопасности и идентичности. Выделены три кластера: благополучный, представленный преимущественно русскими, с высоким уровнем безопасности и минимальным риском утраты идентичности; тревожный, в который вошли монголы, русские, тувинцы, буряты и алтайцы, характеризующийся высокой тревожностью, низким доходом и высокой долей мигрантов и студентов; уязвимый, где жители (в основном русские и монголы) опасаются насилия и не чувствуют себя в безопасности, но не связывают эти угрозы с риском утраты своей национальной идентичности.

Выявлено, что наиболее сильным предиктором опасений стать жертвой насилия на почве национальной или религиозной неприязни является высокий субъективный риск утраты национальной идентичности. Значимыми факторами выступают также национальная принадлежность и возраст.

Установлено, что этническая идентичность в исследуемом регионе выполняет амбивалентную функцию. С одной стороны, высокая и позитивная этническая идентичность (особенно у бурят, тувинцев, алтайцев) сопряжена с высоким уровнем ощущения безопасности и выступает ресурсом социальной интеграции. С другой стороны, у групп с выраженной тревогой по поводу сохранения своей идентичности (таджики, алтайцы, казахи, монголы) и у молодых, социально незащищенных слоев населения актуализируются риски межэтнической напряженности.

Таким образом, детерминанты этнической идентичности в российско-монгольском приграничье многообразны, включают языковые, семейно-культурные и территориальные факторы, ее влияние на региональную безопасность опосредовано уровнем субъективного благополучия и характером идентификационных стратегий различных этнических групп. Изучение детерминант этнической идентичности в российско-монгольском приграничье является важным шагом к пониманию современного общества и его динамики, способствует разработке стратегий, направленных на развитие социальной гармонии и устойчивого развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аипова А. К. Сущность понятия «Этническая идентичность» // Философско-педагогические проблемы непрерывного образования: сборник научных статей. Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2018. С. 129–133.

Андрienko О. А., Безенкова Т. А. К вопросу этнической идентичности современных студентов // АНИ: педагогика и психология. 2020. № 4. С. 304–306.

Белинская Е.П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей // *Образование личности*. 2016. № 2. С. 31–40.

Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Конфликт идентичностей: зарубежные исследовательские концепции // *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 6. С. 34–40.

Гаглоева А. Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 66–3. С. 348–350.

Гальчук Д. С. Понятие «идентичность личности» // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2017. № 5. С. 44–51.

Ивлев В. Ю., Иноземцев В. А., Ивлева М. Л. Формирование понятия этнической идентичности и актуализация этнической идентичности в современном мире // *Гуманитарный вестник*. 2023. № 5. С. 4.

Канзычакова Н. К. Идентичность как социально-психологическая характеристика этноса // *Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы*. 2019. № 1. С. 64–66.

Коренева В. В., Осипова С. И. Сущность и содержание позитивной этнической идентичности // *Современное педагогическое образование*. 2022. № 7. С. 134–137.

Кылгыдай А. Ч., Ойдулуп Т. М. Трансграничное взаимодействие регионов Сибири и Монголии // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. № 2. С. 237–246.

Литвинова Т. Н., Железняков А. С., Никифоров С. В. Этнический фактор в межкультурном диалоге России и Монголии на примере Республики Бурятия (на материалах экспертных интервью) // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18, № 4. С. 881–896. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-881-896

Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Этническая идентификация русских в моно- и полиэтнических регионах: анализ репертуарных решений. *Society and Security Insights*. 2020. Т. 3, № 2. С. 13–40. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-01).

Марцинковская Т. Д. Целостность культуры как фактор этнической идентификации (к концепции Т. Г. Стефаненко) // *Новые психологические исследования*. 2025. № 1. С. 12–25. DOI: 10.51217/npsyresearch_2025_05_01_01

Мурсалыева Г. М. Структура этнической идентичности современных подростков в межкультурном пространстве // *Кронос: общественные науки*. 2020. № 1. С. 37–40.

Персидская О. А., Фомкин Ф. С. Современные подходы к исследованию этнической идентичности. *Сибирский философский журнал*. 2021. Т. 19. № 3. С. 68–86.

Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. Г. В. Осипова. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1999. 672 с.

Элэзович З. М., Элэзович Д. М. О национальной идентичности и ее формах // *Гуманитарные научные исследования*. 2014. № 12, ч. 2.

Goldín L., Jaccard J. (2020). Transitory and Dispositional Facets of Ethnic Identity in Latinx Adolescents: A Mixed-Method Analysis. *Journal of the Society for Social Work and Research*. 11. 000–000. 10.1086/710366.

Predko V. Ethnic identity as the main factor of socialization. *Sciences of Europe*. 2020. № 48–4. Pp. 65–67.

Rakhmetova A. Ayapbergenov B. Karbozova G. Temirgazina Z. How Much Language Is Important for Ethnic Identity of Young Kazakhstanis from Inter-Ethnic Families? *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. Vol. 15, no. 11. P. 1573–1584. DOI: 10.17516/1997–1370–0937.

Salmin A.K. Components of ethnic identity. *Vestnik Čuvaškogo universiteta*. 2022. No. 2. P. 112–122. doi: 10.47026/1810–1909–2022–2–112–122/

Verkuyten M. *The Social Psychology of Ethnic Identity* (2nd ed.). Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315109527>.

REFERENCES

Aipova, A. K. (2018). The essence of the concept of "Ethnic identity". In: M. I. Vishnevsky & E. I. Snopkova (Eds.) *Philosophical and pedagogical problems of lifelong education: Collection of scientific articles* (pp. 129–133). Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet imeni A.A. Kuleshova. (In Russ.).

Andrienko, O. A., & Bezenkova, T. A. (2020). On the issue of ethnic identity of modern students. *ANI: Pedagogika i psihologija*, 4, 304–306. (In Russ.).

Belinskaya, E. P. (2016). The relationship between real and virtual identities of social network users. *Obrazovanie lichnosti*, 2, 31–40. (In Russ.).

Volkov, Yu. G., & Kurbatov, V. I. (2022). Identity conflict: Foreign research concepts. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 6, 34–40. (In Russ.).

Gagloeva, A. B. (2020). Factors of formation of civic and ethnic identities. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 66–3, 348–350. (In Russ.).

Galchuk, D. S. (2017). The concept of "personal identity". *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 5, 44–51. (In Russ.).

Ivlev, V. Yu., Inozemtsev, V. A., & Ivleva, M. L. (2023). Formation of the concept of ethnic identity and actualization of ethnic identity in the modern world. *Gumanitarnyj vestnik*, 5, 4. (In Russ.).

Kanzycakova, N. K. (2019). Identity as a socio-psychological characteristic of an ethnos. *Sovremennye etnicheskie processy na territorii central'noj Azii: problemy i perspektivy*, 1, 64–66. (In Russ.).

Koreneva, V. V., & Osipova, S. I. (2022). The essence and content of positive ethnic identity. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 7, 134–137. (In Russ.).

Kylgydaj, A. Ch., & Ojdup, T. M. (2017). Cross-border interaction between the regions of Siberia and Mongolia. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2, 237–246. (In Russ.).

Litvinova, T. N., Zheleznyakov, A. S., & Nikiforov, S. V. (2025). The ethnic factor in the inter-civilizational dialogue between Russia and Mongolia on the example of the Republic of Buryatia (based on expert interviews). *Oriental Studies*, 18(4), 881–896. (In Russ.). doi: 10.22162/2619–0990–2025–80–4–881–896

- Maximova, S. G., Omelchenko, D. A., & Noyanzina, O. E. (2020). Ethnic identification of Russians in mono- and polyethnic regions: Analysis of repertory grids. *Society and Security Insights*, 3(2), 13–40. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2020)2–01.
- Marcinkovskaya, T. D. (2025). The integrity of culture as a factor of ethnic identification (to the concept of T. G. Stefanenko). *Novye psihologicheskie issledovaniya*, 1, 12–25. (In Russ.). doi: 10.51217/npsyresearch_2025_05_01_01
- Mursalieva, G. M. (2020). The structure of ethnic identity of modern adolescents in intercultural space. *Kronos: obshchestvennye nauki*, 1, 37–40. (In Russ.).
- Persidskaya, O. A., & Fomkin, F. S. (2021). Modern approaches to the study of ethnic identity. *Sibirskij filosofskij zhurnal*, 19(3), 68–86. (In Russ.).
- Osipov, G. V. (Ed.). (1999). *Russian sociological encyclopedia*. Moscow: NORMA — INFRA-M. (In Russ.).
- Elezovich, Z. M., & Elezovich, D. M. (2014). On national identity and its forms. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 12(2). (In Russ.).
- Goldin, L., & Jaccard, J. (2020). Transitory and dispositional facets of ethnic identity in Latinx adolescents: A mixed-method analysis. *Journal of the Society for Social Work and Research*, 11, 000–000. doi: 10.1086/710366
- Predko, V. (2020). Ethnic identity as the main factor of socialization. *Sciences of Europe*, 48–4, 65–67.
- Rakhmetova, A., Ayapbergenov, B., Karbozova, G., & Temirgazina, Z. (2022). How much language is important for ethnic identity of young Kazakhstanis from inter-ethnic families? *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(11), 1573–1584. doi: 10.17516/1997–1370–0937
- Salmin, A. K. (2022). Components of ethnic identity. *Vestnik Čuvaškogo universiteta*, 2, 112–122. doi: 10.47026/1810–1909–2022–2–112–122
- Verkuyten, M. (2018). *The social psychology of ethnic identity* (2nd ed.). Routledge. doi: 10.4324/9781315109527

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Екатерина Владимировна Шахова — канд. социол. наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Барнаул, г. Москва, Россия.

Ekaterina V. Shakhova — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Research Scientist, ROSBIOTECH, Barnaul, Moscow, Russia.

Анастасия Сергеевна Домаева — канд. социол. наук, Алтайский государственный университет, научный сотрудник РОСБИОТЕХ, г. Барнаул, г. Москва, Россия.

Anastasia S. Domaeva — Cand. Sci. (Sociology), Altai State University, Research Scientist, ROSBIOTECH, Barnaul, Moscow, Russia.

Пурэвсүрэн Цэденбал — д-р филос. наук, профессор, ректор Западного регионального филиала Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия.

Purevsuren Tsedenbal — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Rector, Western Regional School of National University of Mongolia.

Мунхбаяр Боролдой Чулуунбат — канд. ист. наук, доцент, преподаватель кафедры общественно-гуманитарных наук Западного регионального филиала Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия.

Munhbayar Boroldoy Chuluunbat — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities, Western Regional School of National University of Mongolia, Hovd, Mongolia.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026;
одобрена после рецензирования 25.05.2026;
принята к публикации 10.06.2026.
The article was submitted 15.05.2026;
approved after reviewing 25.05.2026;
accepted for publication 10.06.2026.